

Часть I

ПСЫ ВОЙНЫ

ГЛАВА 1

Ястреб есть ястреб — птица-мясник, убийца, рожденный убивать всюду и всех, кто движется.

Джеймс Клавел. Сегун

По проселочной дороге, вившейся между неказистыми дачными домиками старой застройки, бежал полуобнаженный человек. Его череп блестел от пота, зубы выбивали сумасшедшую чечетку. В клубах придорожной пыли, поднятой босыми пятками, беглец казался призраком, заблудившимся среди садов и грядок. Мужчина кричал, обращаясь то ли к преследователям, то ли к трусливым обитателям дачного поселка.

Но громилы в джипе не знали жалости. Блестящий никелированными дугами радиатор машины угрожающе надвигался на покрытого потом и серой грязью беглеца.

В будний день народу на дачах почти не было. Несколько стариков копошились на своих делянках, закладывая фундамент будущего урожая. Согнув спины, они не отрывали глаз от взрыхленной земли. Истошные вопли не отвлекали дачников от работы. Точнее, они делали вид, что ничего необычного не происходит и мчащийся почти голышом мужчина — зрелище такое же привычное для этих мест, как для нудистских пляжей где-нибудь в Испании.

Изредка какой-нибудь чрезмерно любопытный старичок поднимал глаза, провожая взглядом странного не-

знакомца, и тут же склонял голову к земле. Любопытство могло дорого стоить. Трое верзил в запыленном темно-синем джипе эскортировали беглеца, оглашая окрестности отборной матерщиной и жуткими ругательствами. Чрезмерно любопытным пенсионерам тоже доставались солидные порции проклятий и угроз, вылетающих из открытых окон машины. В проеме с опущенным стеклом возникала распаренная, похожая на сварившуюся свеклу рожа и по-звериному рычала на зазевавшегося старика:

— ...Ну, чё вылупился, козел! Не в цирке! Копошись в своем навозе, землеройка долбаная, и не зыркай гляделками! Выковыряю!

Троица оглушительно заржала и продолжала преследовать полуобнаженного беглеца. Силы мужчины были на исходе. Он часто спотыкался, падал лицом в придорожную сизую пыль и тяжело поднимался, цепляясь руками за хлипкие заборы у старых, обветшалых дач. Несчастный походил на затравленного охотниками зверя. Он дико озирался, складывал в молитвенном жесте руки, прикладывая их к груди, и что-то невнятно бормотал. Но вновь пронзительным воплем звучал автомобильный сигнал. Зловещим огнем вспыхивали фары. Несчастный втягивал голову в плечи, вскрикивал тонким захлебывающимся фальцетом, и гонка продолжалась.

Судя по маневрам джипа, преследователи целенаправленно оттесняли жертву за окраину поселка, подальше от людских глаз. Сразу за последними домиками грунтовая дорога шла под уклон, спускаясь к берегу узкой реки. Увидевший голубую ленту воды предводитель преследователей, мордастый здоровяк с родимым пятном на правой щеке, весело гоготнул, обращаясь к компаньонам:

— Хорош мудака гонять! Еще загнетса раньше времени!

— Тогда и нам Ястреб башку снесет! — меланхолично перемалывая бульдожьими челюстями комок жевательной резинки, вставил громила, сидевший за рулем.

— Точняк! Ястребу мертвец не нужен! За дохлого штатовца он нам бошки пооткручивает конкретно! — автори-

тетно подтвердил слова приятеля бритоголовый детина, развалившийся на заднем сиденье джипа.

Главарю с багровым пятном в полщеки разговорчивость подчиненных не понравилась. Он насупился и резко оборвал рассуждения приятелей:

— Завязывайте базар! Загоняем козла на пляж и метелим по полной программе! — Выдержав секундную паузу, главарь раздраженно добавил:— И не надо мне по сто раз напоминать инструкции Ястреба! Не пацан отмороженный и склерозом не болею! Советчики, блин, нашлись!

Водитель в ответ на упреки шефа скептически хмыкнул и добавил газа. Машина двигалась, что называется, впритирку к беглецу. Всего лишь несколько десятков сантиметров отделяли измазанного грязью беглеца от сверкающего никелем бампера «Исудзу-Труппера». Это крохотное расстояние заставляло мужчину бежать, не озираясь и не взывая о помощи. А пассажиры джипа продолжали непринужденный разговор, словно их машина ехала по пустынной скоростной трассе и бегущий человек был всего лишь миражом.

— Скоро сдохнет, — оценил возможности беглеца бритоголовый детина.

— Дотянет до реки, — опроверг предположение приятеля водитель. — Смотри, как резво чешет, марафонец гребаный. Я бы уже загнулся.

— Так ты задницы от сиденья тачки не отрываешь. Только в сортир на своих ходулях и ходишь, — съязвил бритоголовый, полируя поверхность своего черепа широкой пятерней.

Главарь, не принимавший участия в словесной перепалке, напряженно всматривался в прибрежные заросли, окружавшие песчаный пятачок пляжа. Чем ближе джип подъезжал к речному берегу, тем отчетливее вырисовывалась фигура высокого мужчины, стоявшего в полный рост. Он, по-видимому, рыбачил, облюбовав для этого дела укромное местечко метрах в двухстах от пляжа. Услы-

шав звук приближающегося автомобиля, мужчина обернулся и, поднеся к глазам ладонь, разглядывал странную процессию.

— Чего тарацишься, урод! — сквозь зубы процедил главарь, раздраженный присутствием свидетеля. Он даже привстал, чтобы получше рассмотреть рыбака.

Уловив беспокойство шефа, бритоголовый тоже приподнялся. Навалившись широкой грудью на спинку переднего сиденья, он секунду изучал фигуру незнакомца, а затем презрительно хмыкнул:

— Будет возникать, накажем лоха вместе с американцем!

— Борзый ты больно, Шарик! — неодобрительно покачивая головой, произнес главарь. — Нарвешься когда-нибудь по-крупному.

Откинувшийся на спинку сиденья громила принял расслабленную позу. Забросив ногу на ногу, он покопошился в кармане брюк и, найдя какой-то предмет, расслабленно улыбнулся:

— Не заводись, Лишай, по пустякам. Отоварим янки как положено и без проблем. Место здесь глухое. Не Рублевка и не Горки-9. У американца в телохранителях только старичье дачное да рыбачок... — Наслаждаясь собственным остроумием, бритоголовый детина вздохнул.

— Заглохни, Шарик! — рявкнул предводитель команды, продолжая всматриваться в зеленую стену камышей и ивовой листвы.

Смутное чувство тревоги занозой застряло в мозгу главаря. Он не мог себе объяснить, почему оно возникло и в чем причина внезапного беспокойства. Ведь вместе с ним были два проверенных боевика, два надежных парня с железобетонными лбами и оружием в карманах. Они были готовы на все. Лишай знал, что стоит ему приказать — и подчиненные разорвут противника голыми руками или будут резать по кусочкам, невзирая на вопли, потоки крови и прочую дребедень. Парни из его команды

жалости не знали и сентиментальничать не умели. Они больше походили на цепных псов, чем на людей. Получив команду «фас», боевики не раздумывали, кто перед ними, а выполняли приказ. Впрочем, и сам Лишай был вылеплен из такого же теста.

— Кажись, мужик смылся, — заметил изменения в береговом пейзаже водитель.

Действительно, рыбак исчез. Словно растворился среди зелени прибрежных зарослей. При этом ни одна ветка, ни один стебель камыша не шелохнулись. Незнакомец как будто растаял в воздухе. Это обстоятельство окончательно вывело главаря из себя. Он ожесточенно почесал родимое пятно, которому был обязан неблагозвучной, намертво приклеившейся еще с юношеских лет кличкой. Повертев головой, Лишай осмотрел окрестности. Дачный поселок остался позади.

Джип достиг подножия склона, скатившись в низину. Беглец продолжал бежать по прямой, не догадываясь свернуть на обочину. Впрочем, кругом простирались луга, по которым новенький внедорожник мог двигаться, не сбавляя темпа. До ближайшего леса, выделявшегося на горизонте зубчатой линией вершин, было далеко. Расстояние до спасительного леса для затравленного преследователями марафонца было непреодолимым препятствием. Силы окончательно покинули беглеца.

Согнувшись пополам, схватившись руками за живот, бедрога свернул к воде. Не подозревая, он двигался по маршруту, намеченному преследователями. Джип следовал за ним. С легкостью преодолев неглубокую канаву обочины, «Исудзу-Труппер» гнал несчастного к воде. Предчувствуя финальный этап охоты, трое бандитов оживились. Их лица напряглись, а губы кривились в хищных ухмылках. Бритоголовый, отличавшийся садистскими наклонностями, в предчувствии скорой расправы над затравленной жертвой начал издавать омерзительные звуки, напоминающие то ли чавканье, то ли похрюкивание. Он вертелся как на иголках, попеременно то приподнимаясь,

чтобы получше рассмотреть жертву, то тяжело плюхаясь на сиденье джипа.

— Дави козла! — по-щенячьи взвизгивал бритоголовый детина.

Выбрасывая из-под колес струи песка, машина подъехала к самой кромке воды и остановилась. Изнеможенный гонкой беглец стоял лицом к реке, лишь изредка пугливо оборачиваясь на преследователей. Водную преграду, пусть даже такую пустяковую, как узкая речушка, он не решился форсировать. Впрочем, ему это было и не под силу. Бледность с каким-то фиолетовым оттенком заливала лицо мужчины. Его округлый живот, казалось, жил самостоятельной жизнью: он то раздувался, как воздушный шарик, то пропадал где-то под ребрами. Выпученные глаза бегльца, подернутые белесой пленкой животного страха, отражали окружающий пейзаж. Мужчина бессмысленно тарачился на гладь воды, словно собирался нырнуть или утопиться. Его ноги, согнутые в коленках, произвольно дрожали.

Остановившись в метре от жертвы, преследователи несколько секунд не покидали машину. Они наслаждались видом затравленного человека, застывшего в комической позе. Наконец, выдержав паузу, главарь распахнул двери. Нога Лишая, обутая в тупоносый щегольской ботинок, ступила на песок.

— Ну что, янки паршивый, набегался? — проникновенно произнес бандит. — Как «дурь» пригоршнями нюхать, так ты горазд, а как «бабки» по счетам платить — ты шлангом прикидываешься?!

— Я не понимаю... — с акцентом, выдававшим в говорившем иностранца, ответил загнанный в воду толстячок.

Он старался выглядеть храбрым и независимым, но от этого выглядел еще более смешным. Его лысая голова с венчиком взлохмаченных светлых волос подрагивала в такт вибрирующим ногам. Произвольно сжав кулаки, толстяк подался вперед, чем окончательно развеселил

компанию. Присоединившийся к шефу этого карательно-го мини-отряда бритоголовый весело заржал:

— Ты посмотри, Моня! Нет, ты только посмотри! Этот урод еще гоношится! Кулачками помахать хочет! Эй, мистер, трусы подтяни и перестань колотиться. Самое интересное еще впереди. Ты сейчас сделаешь со мной то, что Моника с вашим президентом!

Водитель джипа, немногословный громила, решил поддержать приятеля-шутника. Выразительным жестом он щелкнул по ширинке черных джинсов. Растопырив руки точно для пылких объятий, Моня устремился к мужчине. Бандит игриво подмигивал, сюсюкал, вытянув губы трубочкой:

— Давай, парнишка, не стесняйся! Здесь никого нет! Оттянемся с тобой все по разочку, может, должок спишем... если понравится!

Продолжая кривляться, верзила вступил в воду. Вопреки его ожиданиям мужчина не стал пятиться. Он стоял, наморщив лоб, словно пытаясь до конца понять смысл грязной шутки. На самом деле мистер Стивен Хоукс, специалист по ликвидации твердотопливных двигателей баллистических ракет, подданный Соединенных Штатов, отлично понимал по-русски. Два раза повторять ему не требовалось.

У каждого человека есть предел унижения, ниже которого он опуститься не может. Мокрый, обсыпанный пылью, точно крендель сахарной пудрой, в сползающих по дрожащим бедрам трусах, Стивен Хоукс был доведен до последней черты. Зрачки его глаз внезапно сузились, превратившись в две черные точки, а подбородок выпятился вперед, придавая круглому лицу одновременно оскорбленное и надменное выражение. Американец втянул живот, расправил плечи и шагнул по направлению к своим мучителям. Троица с любопытством уставилась на него. Вид взбунтовавшейся жертвы был забавен. Вряд ли пухлый, давно утративший физическую форму Стивен Хоукс мог

представлять серьезную угрозу трем здоровенным битьюгам, стоявшим на берегу.

— Сволочи! Чего вы от меня хотите! — не доходя полуметра до главаря, закричал американец.

Судя по ссадинам и кровоподтекам на теле, ему уже серьезно досталось. На правом боку мужчины багровое пятно растекалось от подмышки до поясницы. Несколько глубоких царапин кровоточило на груди Хоукса. Приблизившись к троице, он размахнулся ногой, точно заправский футболист, и ударил по воде.

— Что вам надо?! — Обида и унижение звучали в крике толстячка.

Фейерверк брызг из воды и придонного ила окатил не успевших вовремя отступить бандитов с ног до головы. Особенно досталось высунувшемуся вперед бритоголовому громиле Шарикю. Какая-то длинная водоросль зеленой соплей повисла на перекошенной от злобы физиономии бандита. Смахнув ленту водоросли с лица, Шарик ринулся к американцу. Его рука инстинктивно скользнула к поясу джинсов, под короткую куртку. Из-под задравшегося подола куртки зловеще чернела рукоять пистолета.

— Не трогай «ствол»! Вытащи урода на берег! — предупредил главарь, возбужденно потирая руки.

Шарик подчинился. Ладонь его руки, скользнув по рифленой поверхности рукояти пистолета, сжалась в кулак. Преодолев расстояние несколькими короткими прыжками, верзила притормозил, чтобы оттолкнуться от речного дна и в невысоком прыжке поднятой правой ногой садануть толстячка в грудь. Однако эффектный удар не получился. Собрав все остатки сил, американец проявил необычайную для его упитанной комплекции прыть.

Он вовремя отшатнулся, уклоняясь от удара. Толстая, рифленая подошва ботинка бандита описала дугу в пустоте. В то же мгновение потерявший равновесие Шарик, наклоняясь всем корпусом, подался вперед. Но он не успел упасть. Резко выбросив руки перед собой, Стивен Хоукс обхватил щиколотку правой ноги бандита. Какую-

то долю секунды они смотрели друг на друга, ничего не предпринимая. Шарик, балансируя, размахивал руками, чтобы устоять на одной ноге, а американец оценивающе осматривал массивную тушу противника. Найдя подходящую точку, Хоукс вскинул руки вверх и разжал пальцы, стискивавшие щиколотку ноги громилы. Из горла падающего навзничь Шарика вырвался яростный вопль, переходящий в хрипкое бульканье. Кулак американца настиг бандита раньше, чем он успел шлепнуться в воду.

Короткий, без замаха удар получился знатным. Кулак буквально впечатался в солнечное сплетение Шарика. Хватая посиневшими губами воздух, бандит упал. Речная вода расступилась, чтобы принять массивную тушу бритоголового ублюдка.

Эти действия были скорее актом отчаяния, нежели решительным сопротивлением. Американец не перешел в контрнаступление. Напротив, он словно окаменел, наблюдая, как под дружный гогот приятелей барахтается в помутневшей воде разъяренный верзила. Боевой пыл американца оказался всего лишь вспышкой гнева, сменившейся обреченной растерянностью человека, у которого не осталось никаких шансов избавиться от могущественных врагов. Опустив руки по швам, Стивен Хоукс смотрел, как встает на ноги бритоголовый здоровяк.

Шарик, промокший насквозь, вставал медленно. Он дергался всем телом, отряхиваясь от влаги. В этот момент бандит был похож на огромную беспородную псину с оскаленными клыками, готовую перегрызть противнику глотку. Налитые бешенством глаза громилы стали совершенно безумными.

— Все, сучара, заказывай место на кладбище! — шипел взбешенный амбал, надвигаясь на застывшего американца. — Помолись, паскуда, в последний раз! Здесь тебе не Югославия, рога в момент поотшибаю...

Внимательно прислушивающийся к проклятиям главарь карательного мини-отряда, зная необузданный нрав бритоголового, повторил предупреждение:

— Полегче, братан! Не забей барана до смерти! Ястребу он нужен живым. Вытаскивай клиента на сушу! Мы ему мозги вставим!

Верзила не откликнулся на предупреждение шефа. Лишь едва заметно кивнул головой. Продолжая гипнотизировать жертву красными, словно у кролика, выпученными глазами, Шарик шаг за шагом продвигался вперед. Он даже перестал материться, накапливая ярость внутри. На берегу тоже воцарилось молчание. Операция вступала в заключительную стадию...

На сей раз, избавившись от чрезмерной самоуверенности, Шарик был более собранным и ошибок не допускал. Хорошо поставленным профессиональным ударом в переносицу бандит оглушил американца. Голова Хоукса мотнулась в сторону, а рыхлое, едва тронутое загаром тело осело на полусогнутых ногах. Но упасть он не успел. Растопыренной пятерней бандит сгреб волосы Хоукса, одновременно ребром ладони правой руки ударяя по месту, где шейные позвонки соединяются с основанием черепа. Мужчина глухо охнул. На его губах выступила розовая пена из слюны, смешанной с кровью. Для убедительности верзила с бычьим загревком саданул свою жертву коленом в грудь. Американец переломился пополам и встал на четвереньки.

Подгоняемый пинками, Хоукс пополз к берегу, где его уже заждались приятели коротко стриженного громилы. Им не терпелось размяться, принять участие в экзекуции. Лишай и Моня, возбужденные видом крови, топтались на берегу, как застоявшиеся лошади, зычными восклицаниями подгоняя товарища.

— Давай, Шарик, залимонь америкашке пенделя! — вопил обычно немногословный Моня.

— Поддай газку! Пусть поскорее поршнями шевелит. Это ему не по Бродвею рассекать! — басил Лишай, яростно почесывая ставшее фиолетовым родимое пятно.

Увлеченные своим занятием, они не замечали ничего вокруг, чувствуя себя в полной безопасности. Пустынный

берег, малолюдный дачный поселок, отдаленный от оживленных трасс, никаких стражей правопорядка в радиусе как минимум километров пять были идеальными условиями для жестокой разборки. Здесь только они имели право карать и миловать. Это чувство пьянило троицу, прибавляло куража.

А между тем в окружающем пейзаже происходили едва заметные изменения. То мимолетная тень скользнула по желтой кромке прибрежного песка, то качнулись ветви зарослей ивняка, подступающего к пятачку пляжа, то, захлопав крыльями, взмыла в небо испуганная птица.

Но крепкие парни в дорогой одежде, с серебряными и золотыми цепями на шеях, напоминающими по размерам ошейники для бульдогов, на подобные мелочи внимания не обращали. Они ведь не были таежными охотниками или следопытами из романов про индейцев. Парни относились к многочисленной касте российской братвы, а точнее, к ее худшей части, метко прозванной отморозками. Наблюдать за теньями, порхающими птицами и прочими обыденными явлениями природы им было недосуг. Троица выполняла заказ. Причем выполняла с увлечением, как говорят, с огоньком и фантазией.

— Ну что, гад! По-хорошему договариваться не хочешь? — Присевший на корточки главарь двумя пальцами левой руки поддерживал подбородок американца.

Тот по-прежнему стоял на четвереньках в унижительной позе. Изредка Хоукс сгибал руки в локтях, намереваясь опустить лицо в воду, чтобы утолить нестерпимую жажду или смыть кровь. Едва американец предпринимал такую попытку, как тут же следовал удар под ребра. Бил все тот же неутомимый Шарик, обозленный неудачным купанием. Иногда бедолагу Хоукса награждал тумачами молчун-водитель, не желавший отставать от товарища. Но главную роль в происходящем все же исполнял предводитель тройки, Лишай. Он вполне владел собой, не сыпал попусту матюками и угрозами, не размахивал зря

руками. Говорил Лишай вкрадчиво, почти ласково, старательно произнося каждый звук:

— Ты русский язык понимаешь?

— Понимаю, — скривившимися от боли губами прошептал американец.

— За «дурь» платить надо. Ястреб тебе хороший вариант предложил, а ты кочевряжишься. На телефонные звонки не отвечаешь. В глухомань зашился. Ты что, в прятки решил поиграть?! А? Так мы тебя из-под земли выщемим! Понадобится, из-подо льда на Аляске выколупаем.

Свободной рукой Лишай достал из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет. Встряхнув, он ловким движением выдвинул одну сигарету и, зажав в зубах, прикурил от огня зажигалки, услужливо поднесенной водителем джипа. Глубоко затянувшись, Лишай пыхнул клубом сизого дыма в лицо жертвы. Хоукс сморщился и закашлялся, стараясь при этом отвернуться.

— Не нравится? — наигранно-удивленно поинтересовался командир троицы. — Классные сигареты. Ваши, штатовские. Может, закуришь?

Американец отрицательно качнул головой.

— Я отдам деньги, — тихо произнес Стивен Хоукс, в настоящем инженер по утилизации отслуживших свой срок ракетных двигателей, а в прошлом офицер Военно-морских сил Соединенных Штатов. — Вернусь домой и переведу деньги на счет любого банка в любой стране мира. Я знаю, что долги надо отдавать, но никаких просьб я выполнять не буду! Это противозаконно.

Выдав длинную тираду, инженер замолчал, облизывая языком кровоточащие губы. Он поднял глаза, чтобы увидеть реакцию своего мучителя. Округлая словно блин рожа Лишай скривилась от возмущения:

— Противозаконно?! Травку смолить и порошок нюхать противозаконно. А друзьям не помогать у нас западлом называется. На...ть на твои «бабки». Тебя о другом просят, по-человечески просят. Но ты, я вижу, не врубаешься.

Откинув голову назад, Лишай резко подался вперед,

нанося коварный удар. Его скошенный, узкий обезьяний лоб вцепился в переносицу Хоукса. Противный звук ломающейся кости заглушила звонкая оплеуха. Это быстро сориентировавшийся Шарик почти синхронно с шефом саданул инженера по затылку. Американец распластался, уткнувшись лицом во влажный песок. Подчиняясь инстинкту самосохранения, он скорчился, обхватил голову руками, подтягивая колени как можно ближе к подбородку.

Удары градом посыпались на бедолагу, имевшего неосторожность задолжать свирепой троице. Хоукса молотили словно сноп, равномерно обрабатывая все стороны его подернутого слоем жирка тела. Иногда Шарик нагибался, приподнимал за волосы голову американца и с явным наслаждением плевал тому в глаза. Зачем он проделывал столь бесполезные и бессмысленные действия, было непонятно даже для приятелей бритоголового. Наверное, иного варианта унижения распаленный мозг питекантропоподобного ублюдка в данный момент придумать не мог.

С полминуты интенсивно поработав ногами, бандиты сбавили темп. Хоукс не шевелился, только громко стонал, загребая под себя песок, окрашенный кровью.

— Зарыться, что ли, хочет? — высказал предположение Шарик. — Командир, мы, кажись, перестарались. Фарш из мужика сделали.

Избиение прекратилось. Главарь снова присел и, взявшись за плечо, перевернул инженера. Хоукс был в сознании. Разлепив губы, американец тихо прошептал ругательство, ставшее благодаря голливудским боевикам понятным даже не сведущим в иностранных языках отморозкам:

— Fuck you!

Лишай медленно поднялся, переглянулся с приятелями. Трое громил стояли над избитым мужчиной, соображая над планом дальнейших действий. В деле с американцем имелась одна загвоздка: клиента надо было обработать аккуратно, не нанося тяжелых физических увечий.

Таков был приказ, послушаться которого они не смели. Человека, отдававшего распоряжения, эти отморозки боялись до коллик в животе, боялись точно собаки злого хозяина, способного переломить хребет за малейшую провинность.

Но перед бригадой мордovorотов была поставлена конкретная задача: сделать мистера Стивена Хоукса поговорчивее, а с этим как раз возникли сложности. Вначале американец попытался выставить непрошенных гостей за дверь скромной дачи, которую он арендовал у отставника-пенсионера. Несколько зуботычин и показательный марафон практически нагишом по пыльным дорогам дачного поселка тоже не подействовали. Инженер упрямылся, показывая характер.

Конечно, у парней имелось в арсенале несколько радикальных методов, способных склонить к сотрудничеству любого. В мастерстве пытки они, особенно Шарик, могли соперничать со средневековыми палачами или мастерами из гестапо. Опыта парни поднабрались на заре перестройки, когда «бомбили» первых кооператоров, не желающих платить дань. Мастерство шлифовалось с годами. Даже на зоне, где перебывали все из этой троицы, находились подходящие объекты для совершенствования навыков причинять боль. Клиент, побывавший в руках Лишая или Шарика, уже никогда не мог бы похвастаться хорошим здоровьем и, как правило, продолжал работать, что называется, на аптеку. Но с американским инженером случай был особый. Нельзя было перегибать палку, то есть уродовать упрямыца.

В душе каждый из троих бандитов проклинал запрет босса на крутые меры. Несговорчивый толстячок их просто бесил, выводил из себя. Поэтому, несмотря на приказ, громилы пинали инженера с садистским наслаждением и с трудом сдерживались от более решительных действий. Впрочем, Шарик хватался за пистолет, намереваясь если не выстрелить, то хотя бы рукоятью оружия проверить

на прочность череп мистера Хоукса. Только рык пыхтящего Лишай останавливал несдержанного отморозка.

— Fuck you, — повторил американец, пытаясь приподняться.

— Лежать, скотина! — Шарик наступил жертве на грудь.

Придавленный ступней мучителя, Хоукс вновь распластался на песке, отхаркиваясь кровавыми сгустками.

Возникшую паузу заполнила тишина. Мерно журчала вода. В негромкий шелест молодой листвы вплеталось чирканье пичуг, ведущих свои разговоры. Природе не было дела до людей, упражнявшихся в жестокости. А они, в свою очередь, не обращали никакого внимания на красоты окружающего мира.

Взяв короткий тайм-аут, головорезы восстанавливали дыхание, сбившееся от усердной работы ногами. Сдавленно постанывающий инженер перекатился на бок и принялся ощупывать ребра. Прикасаясь к ссадинам, он громко всхлипывал и скрипел зубами. Неугомонный Шарик, постановивший отомстить за свое купание по полной программе, наступил на запястье инженера.

— Погоди, мы еще тебе все ребра переломаем, — многообещающе сказал бандит.

Американец скорчился в ожидании нового удара. Этот кошмар казался Хоуксу бесконечным. В самых страшных снах он не мог представить, что будет валяться с окровавленной физиономией на берегу русской речушки, а несколько громил будут использовать его вместо футбольного мяча. Впрочем, на данный момент в мозгу инженера не было посторонних мыслей. Он позабыл то, что был гражданином мировой сверхдержавы, вполне обеспеченным человеком и, наконец, просто мужчиной с чувством собственного достоинства. Мистер Хоукс думал только об одном — когда прекратится истязание и его перестанут бить.

Некоторые психологи утверждают, что между жертвой и палачом возникает нечто вроде телепатической связи, позволяющей читать мысли друг друга. Лишай психоло-

гией не увлекался и ничего, кроме порножурналов, не читал. Но чутье у него было отменное.

— Скоро сломается, — удовлетворенно хмыкнул главарь, указав глазами на дрожащего словно осиновый лист американца.

— Я тоже так мыслю. Пару пенделей, и тюфяк перестанет выпендриваться, — авторитетно поддержал старшего стриженный под ноль верзила.

— Лапу с клешни америкашки сними, — докуривая сигарету, произнес Лишай.

— Да не развалится. Что он, пианист?! — беззлобно огрызнулся Шарик.

— Сними. Его руки должны быть целехонькими, — в голосе шефа зазвучал металл.

Подручный с садистскими наклонностями нехотя повиновался. Огромная ступня Шарика размера эдак сорок пятого поднялась, освобождая запястье левой руки инженера. Американец тут же спрятал руку под себя, словно испугавшись, что бандиты передумают и начнут откручивать его конечность. Хоукс отважился приподнять голову. В его выцветших голубых глазах читалась мольба не причинять ему боль. Облокотившись, он привстал, протянул правую руку по направлению к главарю, намереваясь что-то сказать.

Лишай опередил американца. Тупоносым мыском ботинка он поспешил закрыть рот Хоуксу. Скользящий, косой удар по подбородку отбросил инженера назад. Выгибая спину, американец корчился на песке и что-то нечленораздельно мычал. Здоровенный детина с короткой стрижкой торопливо подскочил к бедолаге, чтобы садануть того в пах. Хоукс взвыл и захлебнулся собственным криком. Глаза американца закрыла розовая пелена, а изо рта вылетал уже не вой, а щенячий визг. Но сквозь пелену инженер смог увидеть, как раздвигается стена кустарника, окаймляющего пляж, и на песчаный пяточок неспешной походкой выходит незнакомый человек.

Скрипнув зубами, инженер подавил вой, похоронив его

в себе. Каким-то седьмым чувством Хоукс признал в незнакомце свою последнюю надежду на спасение и избавление от мук. Извиваясь вьюном, американец пополз по направлению к новому участнику разборки. Он полз, загребая под себя песок, пока ступня Шарика не припечатала мистера Хоукса к земле. Братки хотели в спокойной обстановке рассмотреть наглеца, нарушившего их уединение и тем самым прервавшего обработку клиента. Они не любили вмешательства в свои дела.

Незнакомец появился внезапно. Темноволосый мужчина чуть выше среднего роста, одетый в клетчатую рубашку, выпущенную поверх парусиновых брюк свободного покроя, выглядел заправским рыбаком. В правой руке он держал две удочки. Одну — простецкую, с удилицем из орешника, самодельным поплавком и таким же неказистым грузилом. Второй инструмент охоты на рыб был полной противоположностью первому. Роскошное удилице, сработанное из эластичного и прочного углепластика, произведение знаменитой норвежской фирмы «Мустад», специализирующейся на производстве дорогих рыболовных снастей, сверкало на солнце антрацитового цвета. Именно этот предмет, похожий на копье древнего воина, выдавал в незнакомце профессионала рыбалки, готового потратить сумасшедшие деньги на классную снасть.

Темноволосый прошел сквозь кустарник, словно призраком. Никто не слышал звука ломающихся веток. Так ходят хищники, выслеживающие добычу.

Но внешний облик незнакомца был вполне миролюбивый. Открытое лицо с правильными чертами не выражало никаких эмоций. Прямой взгляд темных глаз как бы приглашал к диалогу. Двигался мужчина спокойно, без напряжения, размеренными, не слишком длинными и не слишком короткими шагами. На губах темноволосого, со слегка посеребренными ранней сединой висками человека, играла тень улыбки. Свободная одежда скрывала фигуру мужчины. По широким плечам и отсутствию вы-

пуклости живота можно было судить об отличной физической форме незнакомца.

Чужак появился со стороны реки. Он, видимо, прошел по самой кромке берега, где заросли кустарника были погуще. Нижняя часть брюк была намочена, а к подошвам легких спортивных туфель прилипли комочки красноватой глины. Незнакомец, видимо, специально выбрал нелегкий путь, чтобы раньше времени не выдать своего присутствия и подойти незамеченным к пятачку пляжа. Это ему вполне удалось.

Трое братков, набычившись, разглядывали наглеца. Эффект внезапного появления пятого участника событий слегка ошеломил бандитов. Они пытались сообразить, почему человек по собственной воле нарывается на крупные неприятности. Ведь обстановка не располагала к неторопливой беседе, а ползающий на четвереньках толстяк свидетельствовал о серьезности намерений троицы. Вмешиваться в происходящее мог или святой, готовый пожертвовать собой для облегчения страданий ближнего и восстановления попранной справедливости, или сумасшедший, добровольно сующий голову в петлю.

По мере приближения незнакомца настороженность в глазах бандитов сменялась бешеной яростью. Первым не выдержал Шарик. Давая выход злой энергии, расправившей его тушу, бритоголовый подпрыгнул и ударил по пояснице вставшего на четвереньки инженера. Тот упал, но не издал ни единого звука, хотя удар, пришедшийся по почкам, был очень болезненным.

Незнакомец брезгливо сморщился:

— Может, хватит над человеком издеваться?!

Он остановился в трех шагах от Шарика. Инженер оказался между бандитом и темноволосым мужчиной. Чуть дальше за спиной верзилы стояли Моня и Лишай.

— Тебе дело?! Ты что, мусор или прокурор? Подглядывал за нами? — Шарик переступил через распростертого ниц американца и подошел к незнакомцу.

Тот усмехнулся:

— Что вы, обнаженные купальщицы, чтобы за вами подсматривать? Зрелище малоприятное, — темноволосый кивнул в сторону Хоукса, который успел перевернуться на спину и теперь не отрываясь наблюдал за неожиданным заступником.

— Если через секунду не смоешься, и из тебя отбивную сделаем, — рыкнул верзила.

Угроза на незнакомца не подействовала. Он продолжал чуть насмешливо рассматривать Шарика.

— Уймитесь, мужики! Забьете ведь человека до смерти, — темноволосый положил удочки на плечо.

Невозмутимость чужака все больше бесила Шарика. Он оглянулся, ища поддержки у приятелей. Лишай, самый проницательный из бригады отморозков, уже понял, что незнакомец так просто не уйдет. Он узнал в нем рыбака, которого заприметил на подъезде к пляжу. Главарь подмигнул, давая приятелю знак перейти к активным действиям. Но сам Лишай предусмотрительно оставался стоять на некотором отдалении от темноволосого, предоставляя право разобраться с наглецом бритоголовому амбалу. Непонятное чувство тревоги вернулось к главарю. Внезапно зверски зазудело родимое пятно, а в желудке начальник компании братков ощутил разрастающийся ледяной комок.

Такое происходило с ним только раз, когда, угодив в засаду, расставленную конкурентами, Лишай уже попрощался с жизнью. Тогда машина, на которой он ехал, шипя простреленными передними шинами, вылетела в кювет и, совершив несколько пируэтов, встала на крышу. Оглушенный Лишай лежал в салоне, задыхаясь от гари, и видел, как приближаются киллеры, чтобы добить его.

Тогда Лишай спасло чудо в виде фиолетового микроавтобуса, проезжавшего по шоссе. Из резко притормозившей машины как горох высыпали люди в стального цвета камуфлированной одежде. Один из киллеров сдуру пальнул по ним. В ответ шквал огня смел платных убийц, бывших на открытом поле как на ладони. В слу-

чайно проезжавшем автобусе оказался отряд московского СОБРа, возвращавшегося с задания.

Прятели долго использовали этот случай для насмешек над Лишаем. Подумать только, ментовское элитарное подразделение спасает жизнь отъявленному негодю. Лишай на приятелей не обижался. Он помнил с тех пор только об одном — о страшном холоде в желудке, о ледяном комке, который, разрастаясь, сковывает невидимыми цепями все тело.

Именно такие неприятные ощущения вызвал у предводителя братков этот спокойный, пугающий своей невозмутимостью незнакомец. Казалось, никаких оснований для паники не было. Перевес явно на стороне бандитов. Трое откормленных, регулярно подкачивающих в тренажерном зале мышцы громил могли разорвать человека на куски голыми руками. У каждого имелся «ствол», а в джипе под задним сиденьем лежало бельгийское помповое ружье, способное превратить человеческий череп в сито. Но, несмотря на очевидные доводы превосходства над чужаком, страх не покидал Лишай. Нагнув голову, он шепотом приказал Моне:

— Шуруй потихонечку к тачке и доставай ружьецо.

— Зачем? — искренне удивился водитель, не понимавший чрезмерной, на его взгляд, осторожности Лишай.

— Давай двигай без лишнего базара, — не спуская глаз с чужака, процедил Лишай.

А тем временем заседавший на незнакомца верзила делал угрожающие жесты, которые, впрочем, не производили на того никакого впечатления. Темноволосый стоял как вкопанный, только улыбка улетучилась с его губ, а взгляд стал жестким.

— Ты что, наживкой для рыб стать хочешь, рыбак гребаный! Тебе помочь врубиться?! Нет, лох, ты меня конкретно достал, — брызгал слюной неуравновешенный Шарик.

Взвинтив себя до предела, громила перешел в наступление. Он схватил удилице из орешника и, вырвав его

из рук незнакомца, переломил через колено. Потрясая двумя кусками того, что еще недавно было удочкой, Шарик, окончательно утративший контроль над собой, завопил:

— Сейчас, болван, я тебя закопаю, а из этих палок крест на могилу сделаю! Ты просек, козел, во что вляпался?

Мужчина чуть качнулся вперед.

Рука Лишая машинально скользнула под мышку, где в наплечной кобуре находился согретый теплом тела пис-толет системы «макаров».

Дальнейшие события заняли лишь несколько секунд и походили на кадры фильма ускоренной съемки.

Темноволосый осуждающе покачал головой:

— Зря, парень, чужое ломаешь. Надо уважать частную собственность.

— Ты, сучара, учить меня вздумал?! — натужно прохрипел Шарик.

Рассекая со свистом воздух, кулак громилы устремился к лицу темноволосого. Незнакомец ловко пригнулся, пропуская удар. Пока пудовый кулачище верзила таранил пустоту, последовал ответный ход. Ребром левой ладони темноволосый рубанул противника по горлу.

Эффект от удара был ошеломляющим. Бандит словно проглотил оцетинившегося всеми колючками ежа. Он стоял с вылезшими из орбит глазами и пытался схватить хотя бы глоток воздуха. Широкий как лопата язык вывалился изо рта Шарика наружу. Тонкие струйки желтоватой слюны вытекали из уголков губ, сливаясь в единый поток на подбородке. Самоуверенный бандит походил на годовалого бычка, угодившего на скотобойню. От былой спеси не осталось и следа.

Впрочем, долго бритоголовый не страдал. Virtuозно проведенный удар в челюсть окончательно вывел Шарика из игры. Верзила хрюкнул, захлебываясь собственной слюной. Закатив глаза, он рухнул как подкошенный прямо на американца. Хоуксу показалось, что на него обрушилась бетонная плита.

Следующим на очереди был главарь и, пожалуй, самый серьезный соперник. Обладавший неплохой реакцией, Лишай успел выдернуть из кобуры пистолет. Щелкая взводимым затвором, главарь крикнул:

— Ложись, падла! Замочу! У меня «ствол»...

Темноволосый же действовал полностью противоположно грозным рекомендациям бандита. Не обращая внимания на пляшущий в руках Лишай пистолет, незнакомец перепрыгнул через тушу бритоголового. Он шел напролом, продолжая держать в руке длинное, гибкое удилище.

Палец Лишай лег на спусковой крючок, а мушка «ствола» поднялась до уровня переносицы чужака. Но выстрелить отморозок не сумел.

Оказавшись в двух шагах от противника, темноволосый перехватил удочку и хлестнул по «стволу». Соскользнувший палец Лишай нажал на курок. Грохнул выстрел. Пуля, уйдя в песок, наткнулась на камень и, срикошетив, с визгом улетела в сторону реки. А незнакомец продолжал орудовать казавшимся на первый взгляд безобидным инструментом норвежской фирмы «Мустад».

Крутанув, словно жонглер, удилище, он моментально сложил несколько телескопических соединений, сократив размер своего необычного оружия, и утолщенной частью дубинки из углепластика приложился к макушке главаря.

Оглушенный ударом, Лишай выронил пистолет, но сумел устоять на ногах. В голове загудел колокол, Лишай повернулся спиной к незнакомцу.

— Моня... — просипел он, взывая к последней своей надежде.

Удар по затылку заставил его умолкнуть. Крякнув, точно приняв стопку неразбавленного спиртяги, Лишай по инерции сделал несколько шагов к джипу. Добредя до машины, он навалился на капот, а затем, барабаня лбом по никелированным дугам, защищавшим радиатор, сполз вниз и затих под правым передним колесом.

Из троицы оставался водитель, но и его участь была

предрешена. Выполняя приказание шефа, Моня отправился за ружьем. Чтобы извлечь оружие из специально сделанной ячейки, надо было приподнять подушку заднего сиденья и отщелкнуть замок скоб. С этими скобами у водителя вышла заминка. Отличавшийся нерасторопностью и медлительностью Моня замешкался.

До него доносились звуки скоротечной схватки, за ходом которой он не следил. Лишь когда грохнул выстрел, водитель, втянув голову в плечи, осторожно приподнялся, чтобы обозреть сквозь лобовое стекло поле боя. Догадавшись, что его команда проигрывает, водитель, ломая ногти, справился с защелками, выдернул ружье и, схватившись за цевье, дослал патрон в патронник.

Пятясь по-рачьи, Моня выбрался из салона. Прижимая обеими руками ружье к груди, бандит обернулся. Прямо перед ним стоял чужак.

— Ты куда собрался? — вкрадчиво поинтересовался темноволосый.

Дождаться ответа он не стал. Шарахнув водителя коленом между ног, чужак плотно прижался к нему, не позволяя пустить в ход ружье, застрявшее между телами, как сосиска в хот-доге. Да и сам бандит оказался в стесненном положении. Зад Мони провалился в салон джипа, а голова медленно запрокидывалась на крышу машины. Впивающаяся в подбородок жесткая дубинка не оставляла водителю выбора. Его соперник давил все сильнее, перекрывая доступ воздуха.

— Остановись! Задушишь! — жалостливо просипел Моня, решивший, несмотря на природную тупость, применить военную хитрость.

— Брось ружье! Для вас сезон охоты закончился! — потребовал незнакомец, слегка ослабив напор дубинки.

Моня разжал пальцы, выпуская ружье из рук. Темноволосый отстранился, давая оружию возможность упасть. Лязгнув дулом о порожек джипа, ружье шлепнулось под ноги соперникам.

Моня зашелся в туберкулезном кашле, преднамеренно брызгая мокротой в лицо темноволосому.

— Совсем, блин, глотку перекрыл! Придушил до полусмерти, — стонал бандит.

Моня лукавил. Одновременно с причитаниями его рука ползла к заднему карману брюк, где на всякий пожарный случай хранился кнопочный нож с широким пятнадцатисантиметровым лезвием, не уступающим по остроте бритве. Каждую свободную минуту Моня правил лезвие точильным брусочком, который постоянно таскал с собой. Когда брусок стачивался, он покупал новый и продолжал доводить лезвие ножа до умопомрачительной остроты. Теперь бандит надеялся только на нож, потому что в глазах незнакомца он не видел ни снисхождения, ни нерешительности.

— Пусти, подлюка! Кончаюсь... — пальцы Мони сомкнулись на эбонитовой рукоятке ножа.

Темноволосый ослабил напор, давая противнику возможность выпрямиться. Затем он стал медленно опускать руки, не произнося при этом ни слова, а лишь внимательно наблюдая за реакцией водителя джипа.

Поведение чужака было странным. Обычно на таких разборках с кровопусканием и мордобитием люди не сдерживают своих эмоций. Они кричат, осыпают противника оскорблениями, проклинают, запугивают и просто орут нечеловеческим голосом. Звуковое сопровождение — обязательный элемент любой серьезной разборки. Иногда глоткой можно добиться большего, чем кулаками, и уж, по меньшей мере, уменьшить у врага волю к сопротивлению. Темноволосый к такому приему не прибегал. Он предпочитал действовать почти в тишине, обходясь минимумом слов. Только иногда улыбался уголками губ. Правда, сейчас он был предельно внимателен и серьезен, предполагая в действиях противника скрытую угрозу.

— Ну, че ты, братан?! Разве миром нельзя добазариться? Наехал на нас ни с того ни с сего. Корешей моих положил стопочкой... Нехорошо, брателло, ой как нехорошо

шо... — Моня говорил, чтобы выиграть еще несколько секунд.

Между словами бандит сделал пару глубоких вдохов, восстанавливая сбитое дыхание. Затем он отхаркнулся и сплюнул в сторону густой комок слизи, скопившейся в его глотке.

Незнакомец отступил на полшага и опустил руки со сложенной удочкой вниз. В это мгновение Моня вытащил нож. Еще не вынося руку из-за спины, он нажал на кнопку. Лезвие выскочило из своего укрытия с характерным щелчком, напоминающим звук сработавшей крысоловки.

Темноволосый среагировал мгновенно, уклонившись влево. Лапища водителя со сверкающей на солнце голубоватой полоской стали проткнула пустоту. Моня рванул вперед, надеясь сбить противника своим телом, а уж затем доделать начатое ножом.

Чужак, который был гибче и изворотливее похожего на раскормленного буйвола громилы, не стал отступать или уворачиваться. Наоборот, он сам перешел в наступление. Удочкой, твердой, как кусок стальной арматуры, он сделал выпад, достойный чемпиона мира по фехтованию. Выпад имел конкретную цель, определенную точку на теле громилы, которую темноволосый хотел поразить и поразил.

Утолщенный конец палки из углепластика воткнулся в область между пупком и пахом верзилы. От дикой боли, прошивающей от пяток до макушки, Моня заорал так, что ветви ивняка согнулись, точно под порывом ветра. Нож вылетел из его рук и воткнулся лезвием в песок. Но пока нож летел, незнакомец успел полуприсесть и, вложив всю силу в удар, хлестнуть громилу по коленям своей незамеченной удочкой.

Скошенный подсечкой Моня грохнулся лицом вперед, продолжая истошно вопить. Откинутой до предела нижней челюстью громила пропахал короткую, но глубокую борозду. Но, даже заглотав изрядную порцию песка, Моня не умолкал, так нестерпима была боль. Не в силах пе-